

А. А. АЗИЗЯН

ДВЕ «ДВЕРИ»

ОБРЯД ИНИЦИАЦИИ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕ
ИНФОРМАЦИИ
НА ДРЕВНЕЙШЕМ
БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

УДК 904(32+35)

ББК 63.4

А 354

Научный рецензент

кандидат филологических наук *Р. А. Гимадеев*
(Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина)

Азизян А. А.

А354 Две «двери». Обряд инициации и распространение информации на древнейшем Ближнем Востоке / А. А. Азизян. – СПб.: Алетейя, 2021. – 328 с.: ил.

ISBN 978-5-00165-236-6

В 1995 г. в Турции началось археологическое исследование культового центра Гёбекли Тепе 10–9 тыс. до н.э., продолжающееся до сих пор. Образы, сюжеты, иконографические модели рельефов и скульптур Гёбекли Тепе оказали огромное влияние на историю человеческой культуры. В предлагаемой книге рассматривается только одно направление таких влияний, связывающее артефакты круга Гёбекли Тепе с Северной Африкой: с наскальными изображениями Сахары 7–6 тыс. до н.э. и некоторыми памятниками времени формирования государства Древний Египет. Хранение и распространение культурных стереотипов предположительно осуществлялось посредством обряда инициации и относившихся к нему визуализированных образов и знаков. В работе использованы методы формально-стилистического и сравнительно-исторического анализа большого корпуса археологических материалов на фоне междисциплинарного контекста, состоящего из обзоров ряда публикаций по археологии, лингвистической компаративистике, популяционной генетике и палеогенетике Ближнего Востока и Северной Африки, а также по социальной антропологии. Такой междисциплинарный акцент в рамках монографии, посвященной древнейшим художественным артефактам Ближнего Востока, является первой попыткой своего рода.

УДК 904(32+35)

ББК 63.4

ISBN 978-5-00165-236-6

© Азизян А. А., 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

От автора

Стоит предварить текст книги несколькими ремарками, важными для его понимания и оценки. Как ни банально это звучит, но первая из них касается быстроты обновления информационного поля, имея в виду, что и новые археологические источники, доставаемые из земли, и новые их публикации постоянно меняют или корректируют утверждения, сделанные на основе источников, известных до этого. Особенно рискованны попытки реконструкции духовной культуры людей в ситуации такого текучего «археологического прошлого». Любой новый артефакт может изменить предшествующие формулировки как в сторону их отрицания, так и в сторону лучшего их обоснования. Три таких случая связаны с этой книгой: новая информация появилась уже после завершения текста в 2020 г. и не могла быть в нем учтена. Она приводится ниже.

В вводной части и разделе «Лингвоархеология» главы 4 сказано, что из Южного Леванта времени ранней натуфийской культуры известен только один предмет (фрагмент нижней части рельефной фигуры из Вади Хамме 27), который мог бы быть хронологически первым иконографическим прототипом обсуждаемого в книге изображения «женщины на корточках». Однако в 2020 г. было опубликовано гравированное изображение другой фигуры типа «женщина на корточках» – из пещеры Ракефет поздней натуфийской культуры (Rosenberg et al. 2020). Таким образом, мы должны теперь иметь в виду не одно, а два исходных изображения из Южного Леванта, инициировавших традицию «женщин на корточках», сформировавшуюся далее в Северном Леванте.

В разделе «Популяционная генетика, археогенетика» главы 4 о маршрутах ранней миграции населения с востока, из ирано-кавказского региона, на запад, в Эгеиду, начиная от 12 – 11 тыс. до н. э. и далее,

говорится: «Это могли быть Северная Анатолия (Причерноморский бассейн?), о которой в настоящее время почти ничего не известно, или морские миграции [...]». Между тем в 2018 – 2019 гг. прошли первые сезоны раскопок Кяхин Тепе в провинции Кастамону на севере Турции, в ее Причерноморском бассейне, прерванные в связи с пандемией, а в конце 2019 – 2020 гг. появилась информация о Кяхин Тепе в ряде электронных журналов и археологических блогов со ссылкой на руководителя раскопок Н. Айенгин. Здесь открыты несколько круглых в плане каменных сооружений, в том числе мастерская по изготовлению скульптуры и предполагаемое культовое место, найдены скульптурные изображения животных, напоминающих такие же из знаменитого Гёбекли Тепе на юго-востоке Турции. Н. Айенгин типологически датирует круглые сооружения и скульптуры 10 тыс. до н. э., то есть докерамическим неолитом, что одновременно или даже раньше (!) Гёбекли Тепе (Kahin Tepe excavations 2020; Whelan 2020). Эти раскопки, продолжение которых планируется на весну 2021 г., кардинально меняют оценку не только древнейшей истории турецкого Причерноморья, но и самого Гёбекли Тепе – ключевого памятника, анализируемого в книге.

Также в разделе «Лингвоархеология» главы 4, в примечании 1 и некоторых других местах текста перечисляются кластеры жилых и культовых пунктов Северного Леванта и Северной Месопотамии, включая кластер в верхнем течении р. Тигр в Турции, состоявший на тот момент из 6 поселений: Халлан Чеми Тепеси, Кёртик Тепе, Гусир Хейюк, Хасанкёйф Хейюк, Демиркёй Хейюк, Бонджуклу Тарла. Появившиеся затем публикации новых раскопок в бассейне Верхнего Тигра присоединяют к этому кластеру еще одно поселение – Чемка Хейюк, имеющее слои как раннего докерамического неолита А (вторая половина 10 тыс. до н. э.), так и позднего эпипалеолита или, по другой терминологии, его финальной части – протонеолита (первая половина 10 тыс. до н. э.) (Kodaş et al. 2020). Таким образом, кластер теперь включает 7 поселений.

Вторая ремарка также посвящена информационному полю, но уже в аспекте возросших возможностей его прикладного использования. В тексте книги нередко встречаются понятия, термины, намеренно не раскрываемые подробно при первом упоминании. Наверное, еще 10 – 15 лет назад это рассматривалось бы как упущение, требующее ис-

правления. Сегодня, учитывая повсеместное распространение интернета, в том числе и мобильного, детальное описание, например, обряда инициации, важнейшего для содержания книги, выглядит излишним. Понятие инициации вводится с самого начала как уже знакомое читателю. Этим делается отсылка к «самостоятельной работе» по выяснению значения, каковая уже стала привычной для многих людей. То же относится и к некоторым другим терминам (Плодородный Полумесяц, толос, геральдическая композиция и пр.)

Наконец, третье – глубокая благодарность людям, внесшим вклад в появление этой книги. Среди них прежде всего коллектив издательства «Алетейя», взявший на себя труд по ее выпуску; несколько моих друзей-однокурсников, оказавших благотворительную спонсорскую помощь; доктор исторических наук Юрий Евгеньевич Берёзкин и кандидат исторических наук Вячеслав Григорьевич Моисеев, ознакомившиеся с текстом рукописи и сделавшие ряд важных критических замечаний; археологи Йенс Нотрофф (раскопки Гёбекли Тепе, Турция), Дениз Шмандт-Бессера (раскопки Айн Газаля, Иордания), Савино ди Лерниа (раскопки Такаркори, Ливия), Камилла Павловска (раскопки Чаталхёйюка, Турция), любезно предоставившие справочную информацию и некоторые недоступные публикации.

*А. А. Азизян,
26 ноября 2020 г.*

Kahin Tepe excavations 2020

Kastamonu'da ezber bozan kazı. Kahin Tepe'de bulunan eserler Göbekli Tepe'deki buluntulardan daha eski // Yeni Şafak. 26 Ekim 2020. URL: <https://www.yenisafak.com/hayat/kastamonuda-ezber-bozan-kazi-kahin-tepede-bulunan-eserler-gobekli-tepedeki-buluntulardan-daha-eski-3572467>. Дата обращения (25.11.2020). (Прорывные раскопки в Кастамону. Артефакты, найденные в Кяхин Тепе, древнее находок Гёбекли Тепе // Новый рассвет. 26 октября 2020).

Kodaş et al. 2020

E. Kodaş, B. Gen, Y. Çiftçi, C. Labendan-Kodaş, and Ç. Erdem. Çemka Höyük. A Late Epipalaeolithic and Pre-Pottery Neolithic site on the Upper Tigris, Southeast Anatolia // Neo-Lithics. 2020. P. 40–46.

Rosenberg et al. 2020

D. Rosenberg, R. Chasan, G. Lengyel, and D. Nadel. Stone “canvas” and Natufian art. An incised human figure from the Natufian cemetery at Raqefet Cave, Israel // Oxford Journal of Archaeology. 2020. Vol. 39, issue 2. P. 128 – 140.

Whelan 2020

E. Whelan. Kahin Tepe excavation uncovers Neolithic temple in Turkey // Ancient Origins. 2 October 2020. URL: <https://www.ancient-origins.net/news-history-archaeology/kahin-tepe-0014343>. Дата обращения (25.11.2020).

Изложение гипотезы

Система координат. Настоящая работа затрагивает разные аспекты первобытной истории и культуры, но, чтобы сформулировать ее специфику, следует сперва описать необходимые рамочные параметры: время, место и исторические источники. Последними служат вещи археологического происхождения, называемые далее также терминами «материалы», «памятники», «артефакты». Их особенностей и принципов отбора коснемся несколько ниже. География рассматриваемых памятников охватывает Ближний Восток и Северную Африку (карты 1 – 5), которые в заголовке объединены единым понятием «древнейший Ближний Восток». Собственно на Ближнем Востоке акцентируется его северная часть, вершина арки Плодородного Полумесяца, опирающаяся на западную (Северный Левант) и восточную (Северная Месопотамия) ветви. Здесь в свою очередь выделяются памятники юго-востока исторической Анатолии, включая раскапываемый по сей день культовый центр Гёбекли Тепе 10 – 9 тыс. до н. э., из верхнего культурного слоя которого и происходит изображение, инициировавшее весь последующий текст, так называемая «женщина на корточках» (ил. 3). Впрочем, и Центральная Анатолия, лежащая к западу от Плодородного Полумесяца, с ее известным с 1960-х гг. поселением Чаталхёйюк конца 8 – начала 6 тыс. до н. э. также будет в сфере пристального рассмотрения как восприимчивый ряд сюжетов, образов и иконографических типов Гёбекли Тепе – среди них дважды оказывается и «женщина на корточках». С другой стороны, в 8 – 7 тыс. до н. э. фиксируется влияние на Чаталхёйюк и всю Центральную Анатолию из Южного Леванта, пункты которого Айн Газаль, Нахаль Хемар, Телль Рамад и др. характеризуются в этой связи достаточно подробно. Артефакты из загросской зоны (предгорья и горы Загрос на восточных границах Месопотамии) останутся вне сколько-нибудь

серьезного внимания – объективно они имеют мало отношения к выбранному аспекту работы. Таким образом, основные географические узлы определяются как Северный Левант и Северная Месопотамия, в состав которых в разном соотношении входит Юго-Восточная Анатолия; Центральная Анатолия; Южный Левант; Северная Африка, представленная несколькими ареалами: Центральной Сахарой, Восточной Сахарой и долиной р. Нил.

Хронологически бóльшая часть рассматриваемого археологического материала лежит в пределах докерамического неолита и самого начала керамического неолита, то есть в общих границах 10 – начала 6 тыс. до н. э.* Этот этап, соединяющий, с одной стороны, эпипалеолит и, с другой стороны, «подлинный» неолит (условно сюда можно отнести керамический неолит и халколит, датируемые вместе примерно второй половиной 7 – 5 тыс. до н. э.), определяется также термином *неолитизация*, в котором отражена его переходность, протяженность и конечная цель. Вместе с тем бросается в глаза, что подготовка к неолиту или неолитизация превышает по длительности собственно не-

* Обозначения хронологических периодов, принятые в тексте: протонеолит или хиамский период: 10000 – 9500 гг. до н. э.; PPNA (Pre-Pottery Neolithic A) – докерамический неолит А: 9500 – 8700 гг. до н. э.; EPPNB (Early Pre-Pottery Neolithic B) – ранний докерамический неолит В: 8700 – 8200 гг. до н. э.; MPPNB (Middle Pre-Pottery Neolithic B) – средний докерамический неолит В: 8200 – 7500 гг. до н. э.; LPPNB (Late Pre-Pottery Neolithic B) – поздний докерамический неолит В: 7500 – 7000 гг. до н. э.; PPNC (Pre-Pottery Neolithic C) / Final PPNB – докерамический неолит С / финальный PPNB: 7000 – 6500 гг. до н. э.; PN (Pottery Neolithic) – керамический неолит: 6500 – 6000 гг. до н. э.; EAN (Early Aceramic Neolithic) с этапами EAN 1, EAN 2, EAN 3 – ранний бескерамический неолит Кипра: 8500 / 8400 – 7000 / 6800 гг. до н. э. с этапами 8500 / 8400–7900 гг. до н. э., 7900 – 7600 гг. до н. э., 7600 – 7000 / 6800 гг. до н. э.; LAN (Late Aceramic Neolithic) – поздний бескерамический неолит Кипра: 7000 / 6800 – 5200 гг. до н. э. (Stordeur et Abbès 2002: 565, tabl. 1; Knapp 2013: 27, table 2). *Комментарии:* А, В, С используются как буквы латинского алфавита и в английских, и в русских названиях периодов. Протонеолит и PPNA иногда объединяются как два этапа общего периода PPNA. Датировки, названия и характеристики прочих периодов даются непосредственно в тексте. Все даты в тексте приводятся в календарных значениях до нашей эры и соответствуют английской аббревиатуре «cal BC» (калиброванные годы до н. э.), применяемой для обозначения радиоуглеродных дат (дат по углероду C-14) археологических памятников.

олит – и это один из первых признаков, сигнализирующих о наличии кардинальных, присущих именно этапу неолитизации особенностей, не сводящихся только к функции слишком медленной трансформации, слишком длинного соединительного моста. Пристальное внимание к специфике неолитизации, состоящей в эволюционном изменении человеческого сознания, содержится в работах Т. Воткинса последних лет (Watkins 2004; 2010; 2013; 2018 a; 2018 b; etc.; Sterelny and Watkins 2015). Однако гораздо раньше Т. Воткинса, на существенно более обширном материале и глубоком междисциплинарном уровне, исследовал ту же проблему эволюции сознания в древности Б. Ф. Поршнева (Поршнева 1974) (см. ниже). Справедливости ради надо сказать, что Т. Воткинс также обосновывает свои утверждения ссылками на значительный корпус предшествующих работ популяционных генетиков, антропологов, этологов, философов, введших в рассмотрение такие концепции как когнитивно-культурная коэволюция, генно-культурная коэволюция, теория построения когнитивно-культурных ниш, – в этом смысле он является скорее модератором большой исследовательской группы, соединяя достигнутые ею результаты с археологическими материалами Ближнего Востока периода неолитизации. Среди современных российских авторов содержание периода неолитизации на Ближнем Востоке как основная проблема находится в фокусе исследований Т. В. Корниенко (Корниенко 2006: 16 – 84; 2014; 2015 а; 2015 б; 2015 в; 2015 г; 2017; 2018 и др.) и как проблема типологического сравнения с ранними сложными обществами Южной и Центральной Америки – Ю. Е. Берёзкина (Берёзкин 2013 а: 169 – 178; 2013 б), однако в целом его русскоязычное освещение абсолютно недостаточно для должного представления о беспрецедентном качестве не столько суммы отдельных находок, сколько по сути своего нового мира, открытого археологами. Этот новый мир, решительно повлиявший и на первые цивилизации Древнего Востока, и на всю последующую человеческую культуру, таким образом, остается пока вне широкого русскоязычного исторического дискурса, не говоря уже о массовых образовательных программах.

Период неолитизации на Ближнем Востоке – только один хронологический отрезок; в намеченном сравнительном анализе ему противостоит второй: 7 – 6 / 5 тыс. до н. э. в Северной Африке, в Зеленой

Сахаре (Сахаре времени влажных климатических условий раннего голоцена), когда кульминационного развития достигли наскальные изображения – продукт деятельности расово разнородных сообществ, состоявших из смешанного негроидного и европеоидного населения или из живших поблизости групп негроидов и европеоидов. Наблюдатель без труда заметит и тех, и других преимущественно на фресках. Не только в отечественной, но и в мировой научной литературе отсутствует пока исчерпывающая публикация и систематизация основного массива наскальных изображений Зеленой Сахары. Нет согласия и относительно их датировок среди археологов французской и итальянской школ, представляющих самые длительные традиции исследования Сахары (Mori 1998; Biagetti and di Lernia 2007; Biagetti and di Lernia 2013; di Lernia 2012; 2013 a; 2013 b; 2017; di Lernia and Gallinaro 2010; di Lernia et al. 2016; Le Quellec 2007 b; Le Quellec 2008; Le Quellec 2010 b; Le Quellec 2013; Le Quellec 2016; Le Quellec et al. 2007; etc.). Между тем здесь продолжают открываться: так, в 2002 г. в египетской Сахаре, на скальном навесе Вади Сура II, обнаружена грандиозная 18-метровая фреска указанного времени. Ее публикация окончательно поставила давно назревший вопрос о ближневосточном влиянии в Сахаре и возможных сценариях его реализации. Один из ответов на этот вопрос предложен в настоящей работе, даже несмотря на отмеченное отсутствие полностью принятой первичной, археологической, систематизации сахарских изображений. Наконец, последний рассматриваемый в книге хронологический отрезок – примерно тысяча лет между серединой 4 – серединой 3 тыс. до н. э. (отдельные памятники выходят за эти рамки), когда в предгосударственном и государственном Древнем Египте складываются основы его элитарной культуры и письменность. В трансформированном виде в них также усматриваются элементы, восходящие ко временам ближневосточной неолитизации. При работе над последней, древнеегипетской, темой широко использованы результаты исследований А. О. Большакова (Большаков 1987; 1997; 2000; 2001) – точнее говоря, без них не появился бы и настоящий текст.

В заключение этого необходимого ввода в основную проблематику следует вернуться к уже упомянутой специфике археологических источников, которые собраны, классифицированы и поставлены во взаимные отношения на нижеследующих страницах. В фокусе работы

находятся художественные (в привычном нам смысле слова) предметы, которые выделены из прочих археологических находок и анализируются одновременно формально-стилистическим и сравнительно-историческим методами. Таким образом, все они относятся к тому, что сегодня называется искусством. Однако, учитывая отсутствие и такого понятия, и такой специальной сферы деятельности в архаические эпохи, слово «искусство» всюду дается в кавычках или с оговорками – кроме нескольких случаев, относящихся к профессиональному искусству Древнего Египта. В основной части работы рассматриваются две группы изображений: плоские, выполненные посредством процарапывания, резьбы, живописи или очень низкого рельефа (глава 1), и круглые скульптурные (глава 2). Многообразные типы остальных находок, обнаруживаемых при археологических раскопках (орудия труда, оружие, скелетные останки погребений, постройки разного назначения и пр.), привлекаются как дополнительные аргументы тогда, когда требуются обоснования тех или иных утверждений, и с обязательными ссылками на уже сделанные в отношении них археологические определения, включая датировки (глава 4, раздел «Археология»). Впрочем, этот принцип соблюдается применительно ко всем фигурирующим в работе памятникам. Тем самым соблюдается и сформулированное В. М. Массоном требование первичности археологической интерпретации данных по сравнению с культурологической (Массон 1989: 4, 15 – 17). Но В. М. Массон же обосновал и пользу культурологической интерпретации древних вещей, в значительной мере адаптировав в среде археологов представления, понятийный аппарат армянской школы культурологии и близких ей ученых (Э. С. Маркарян, Э. Г. Абрамян, С. А. Арутюнов и др.) и оперируя этими представлениями в своей практике (Массон 1989: 18, 20 – 25 и пр.). В рамках культурологической интерпретации археологических материалов и теории Э. С. Маркаряна о культурной традиции лежит часть теоретических подходов, применяемых в настоящей работе. (Отвлекаясь в сторону, следует здесь заметить, что в целом теоретическими основаниями работы послужили исследования, в том числе и давно опубликованные, выдающихся отечественных ученых В. Я. Проппа, Б. Ф. Поршнева, О. М. Фрейденберг, А. М. Золотарёва, Э. С. Маркаряна, Ю. И. Семёнова, А. О. Большакова. Это сделано отчасти намеренно, так как, по глубокому убеждению ав-

тора, принципиально отличные и более перспективные концептуальные идеи в западной гуманитарной науке соответствующих разделов в последнем столетии не высказаны, а идеи перечисленных авторов недостаточно востребованы и еще меньше включены в диалог с современными проблемами и вновь открытыми памятниками).

Культурная традиция состоит из многих компонентов – стереотипизированных форм отложившегося коллективного человеческого опыта (Маркарян 1981: 79 – 80). В работе вычленена лишь одна составляющая культурной традиции, связанная, по мысли автора, с обрядом инициации, чем сужен масштаб культурно-исторического анализа (Маркарян 1978 а: 7 – 8): на плоских материальных носителях это изображение стереотипа «женщина на корточках» с поднятыми / опущенными руками (глава 1), на круглых – изображение животного, сжимающего голову человека (глава 2). Первое из них в Северном Леванте – Юго-Восточной Анатолии раньше всего встречается в 10 – первой половине 9 тыс. до н. э. (Кёртик Тепе (?), Телль Карамель, Джерф эль-Ахмар, Телль Абр 3, Гёбекли Тепе), второе, вероятнее всего, в разные периоды 9 – самом начале 8 тыс. до н. э. (Гёбекли Тепе, Невали Чори). В Южном Леванте за исключением обломка одного предмета 12 тыс. до н. э. (ил. 153), который может гипотетически относиться к первой группе – обломок происходит из ранненатуфийского Вади Хамме 27, – аналогичные перечисленным более ранние или синхронные визуализированные стереотипы автору не известны. Таким образом, указанные изображения рассматриваются как инновации, введенные в культуру прежде всего региона Северного Леванта – Юго-Восточной Анатолии, стереотипизированные там (Маркарян 1978 б: 85 – 86) в русле новых форм проведения обрядов инициации юношества и распространенные далее в нескольких радиальных по отношению к выделенному центру направлениях. Одним из этих направлений стала, по мнению автора, Центральная Сахара 7 – 6 тыс. до н. э., где группа «женщин на корточках» появляется внутри многофигурных наскальных композиций на нескольких фресках (другие вполне ясные направления: Балканы того же периода и Южный Левант того же и несколько более позднего времени). Последний раз перед тем, как резко трансформироваться (вернуться на уровень «народной культуры», в определенные этнические группы, полностью утратить

старое значение и пр.), частично усеченный знак (симметрично поднятые / опущенные руки) вошел в виде иероглифов *Ka* и *Сехен* в древне-египетскую письменность (глава 3), после чего его почти исчезнувший к этому времени начальный смысл, идущий от обряда инициации, был окончательно утерян в визуальной изобразительной форме, но стоящие за ним образы, повествовательные структуры могли еще долго функционировать, например, в фольклоре, театре (Пропп 2002; Азизян 2014). Для первой группы изображений у нас нет основательных данных, чтобы зафиксировать «факт перерыва традиции» (Массон 1989: 20), которая тем самым от своего появления до перехода в качественно иную форму культуры – письменность – развивалась в течение 10 – 3 тыс. до н. э. Для второй группы изображений факт перерыва в начале 8 тыс. до н. э., напротив, установлен раскопками на сегодняшний момент времени. Тем удивительнее новое появление скульптур аналогичной композиции (птиц, сжимающих голову человека) в середине 3 тыс. до н. э. в Древнем Египте. Вопрос об их принадлежности к той же культурной традиции остается открытым.

Далее следует обособить и подчеркнуть связь культурной традиции и обряда. Э. Г. Абрамян, которую специально интересовало функционирование культурной традиции в первобытном обществе, кажется, выразила ее наиболее ёмко и кратко. Выше мы приняли изображения «женщин на корточках» с поднятыми / опущенными руками в качестве не существовавших прежде новаций, введенных в употребление, ставших инновациями, стереотипизированными в рамках традиции, длившейся несколько тысяч лет. «Стереотипизация инноваций выступала в форме обряда. [...] С изобретением письменности становится избыточной тотальная обрядность, объективно выполняющая функцию запоминания, что приводит к постепенному отмиранию культовой формы стереотипизации» (Абрамян 1978: 94). Письменность как таковая – специализированная форма запоминания, следующая по времени инновация, открывающая собой новую традицию. В терминологии информационных процессов те же явления обозначаются как хранение и передача информации (= изобретений, инноваций) сперва на горизонтальном уровне в доклассовых, дописьменных обществах, а затем с подъемом ее по вертикали на уровень элит в классовых обществах (Абрамян 1978: 92; Арутюнов 1978: 103 – 104; Маркарян 1978 б:

85; Массон 1989: 30 – 31). Таким образом, объединяемые нами в группы по признаку визуальной схожести изображения объективно объединялись рамками обряда. Обряд – форма хранения, запоминания и распространения информации. Вопрос для автора состоял в том, какой это мог быть обряд, какие археологические следы позволяют его определить и реконструировать. В тексте на примере одного почти полностью сохранившегося сооружения Гёбекли Тепе слоя II обосновывается проведение в нем обрядов инициации и место в них «женщины на короточках», чем раскрывается изначальный («первый») смысл данного изображения и его аналогов из других мест.

Работы по дописанным обществам кроме непосредственного предмета исследования (здесь это – изучение вышеописанной культурной традиции, изначально маркировавшей обряд инициации) обычно ставят более общую задачу реконструкции фрагмента истории, относящегося к их теме. В нашем случае такая цель естественным образом возникает из-за необходимости объяснить возможности распространения отмеченных групп изображений с севера Ближнего Востока в Африку. В связи с этим в главе 4 предприняты обзоры исследований по археологии, сравнительно-исторической лингвистике, популяционной генетике и археогенетике, а также социальной антропологии – насколько таковые были полезны для автора. Они показывают, что перемещение части афразийских языков с Ближнего Востока в Северную Африку и евразийской Y-хромосомной гаплогруппы R-V88 в Африку, где ее максимальные частоты установлены в центральном Сахеле, а также близ побережья Средиземного моря на северо-востоке Африки, поддерживается большим массивом данных соответствующих смежных наук и может быть истолковано в пользу реальности миграционных процессов в этом направлении в интервале 7 – 4 тыс. до н. э.

Исследования Б. Ф. Поршнева и актуализация обряда инициации в рассматриваемый период. Прежде, чем представить гипотезу, следует остановиться на обосновании роста значения обряда инициации в периоды эпипалеолита и неолита ввиду фундаментальности этого положения в структуре настоящей работы. Хотя все, написанное Б. Ф. Поршневым об инициации в его версии начала человеческой истории, не имеет отношения к такой постановке вопроса, тем не менее именно теоретический вклад Б. Ф. Поршнева в разработку соци-

ально-психических механизмов древнейшей истории (Поршнева 2007; 2010) можно считать основополагающим источником, позволяющим связать всплеск роли инициации со временем эпилеолита – неолита. То, что относится у Б. Ф. Поршнева к контр-контрсуггестии – завершающему по последовательности появления в ходе филогенетической эволюции механизму коммуникативного воздействия одного человека на другого – допустимо отнести и к обряду инициации как к бесспорной технологии воздействия, внушения (эта связь будет показана ниже). Гораздо сложнее показать на основе текстов Б. Ф. Поршнева хронологическое место контр-контрсуггестии, учитывая то, что он определенно избегал точно называть культурно-исторические периоды появления и эволюции психических механизмов суггестии, контрсуггестии и контр-контрсуггестии. Поэтому для суждений о датировках очень важен контекст и соотнесение его с корпусом фактов, понятий, представлений, зачастую разбросанных по разным страницам поршнева работ. Больше всего ясности в этом смысле имеется о первом и принципиальном для Б. Ф. Поршнева механизме – суггестии, которая сложилась как вполне развитое явление уже к началу верхнего палеолита и стала у него маркером появления раннего или ископаемого неантропа *Homo sapiens fossilis* (Поршнева 2007: 402; Поршнева 2010: 194, 217). У последнего возникают зачатки речи, второй сигнальной системы, «искусство» (Поршнева 2007: 12; 27, схема 3; 382; 401 – 406; 433; 448 и др.). Говоря об ориньякско-солютрейских изображениях, Б. Ф. Поршнева ставит их «в порядке эволюции у самых истоков возникновения речи» (Поршнева 2007: 404 – 405). Таким образом, начало зрелой суггестии ориентировочно соотносится им с 40 – 35 тыс. до н. э., но одновременно с тем стартует развитие контрсуггестии – механизма мышления, информирования, широко функционирующего и по настоящее время. Понять его хронологическую корреляцию можно, например, по следующим фразам: «На деле контрсуггестия началась в истории с гораздо более элементарных защитных и негативных реакций на суггестию. [...] Один из первых фактов истории *Homo sapiens*'а – это его быстрое расселение по материкам и архипелагам земного шара. Первые 15 (может быть, 20) тысяч лет нашей истории – это история нашего расселения, нашего рассеяния» (Поршнева 2010: 197 – 198). Таким образом описывается «бегство от суггестии»,

«избегание контактов» с суггесторами, посредством чего контрсуггестия обнаруживает свой негативизм, а мы устанавливаем, что, по оценке Б. Ф. Поршнева, в период 40 – 25 / 40 – 20 тыс. до н. э. одновременно с суггестией действовала уже и контрсуггестия в своей простейшей фазе развития, после чего она продолжила эволюционировать дальше. Анализ верхнепалеолитического искусства как проявления суггестии (Поршнева 2007: 463 – 466) и процессов мышления, познания, информирования, высокого развития второй сигнальной системы (образование в речи значений, понятий, отражение речью вещей и явлений окружающей среды) как проявлений контрсуггестии (Поршнева 2007: 469 – 471 и др.) позволяет нам, наконец, хронологически оценить следующее выражение: «[...] реалистические изображения сходят на нет с развитием речемыслительной деятельности ископаемых людей в конце палеолита, в мезолите и неолите. Лучше не пользоваться историко-культурными категориями, принадлежащими позднему времени» (Поршнева 2007: 465). Однако для нас именно идентификация этих категорий с изученными Б. Ф. Поршневым психическими процессами особенно важна, поэтому надо зафиксировать, что речь здесь идет о конце верхнепалеолитического периода мадлен – начале европейского мезолита, когда по традиционным представлениям наступает деградация степени жизнеподобия пещерных изображений и скульптуры, их схематизация, уплощение и т. п., то есть примерно о 12 – 10 тыс. до н. э. Идентичное содержание подразумевается и в его констатации о том, что завершение борьбы между биологическими и общественными законами (= полное сложение человеческого социума) случилось «едва ли раньше конца верхнего палеолита, а может быть, лишь с переходом к неолиту» (Поршнева 2007: 376). Но сформировавшееся человеческое общество, по Б. Ф. Поршневу, должно включать еще и третий психический механизм – контр-контрсуггестию (Поршнева 2007: 138), следовательно, как минимум к этому рубежу («переход к неолиту») контр-контрсуггестия уже была присуща людям. Ее характеристика, данная в статье «Контрсуггестия и история», приводит к выводу, что эта форма – парная к контрсуггестии по принципу оппозиции, уравновешивания, «торможения контрсуггестии» (Поршнева 2010: 205), логически говоря, она должна эволюционировать вместе с контрсуггестией, по крайней мере, начиная от момента достижения относительно высокого

уровня развития речи, необходимого для убеждения и доказательства, то есть примерно от 25 / 20 тыс. до н. э. Таким образом, если между 25 / 20 и 12 / 10 тыс. до н. э. шло качественное развитие контрсуггестии, нарастание второсигнальных способностей человека, прежде всего речи, резкое сокращение сфер влияния суггестии посредством вытеснения ее контрсуггестией на периферию сознания, то соответственно должна была возрастать и сфера влияния контр-контрсуггестии, вставшей теперь на место суггестии для торможения и баланса контрсуггестии в общественной жизни. Если контрсуггестия означала личностный выбор, независимое мышление, недоверие к чужим словам, низкую внушаемость, то контр-контрсуггестия – диаметрально противоположные реакции и поведение, возможность которых нарастала с развитием родового строя, обособлением людей в локальных, родственных, этнических группах, обеспечивавших «максимально высокий коэффициент внушаемости и падение коэффициента контрсуггестии» (Поршнева 2010: 202 – 204, 206 – 207). Это рассуждение дает нам соотношение с историческим этапом расцвета небольших закрытых родовых сообществ, оседлых либо мобильных (глава 4, раздел «Этнология, социальная антропология»). На Ближнем Востоке сюда входят периоды позднего эпипалеолита / мезолита, неолитизации, собственно неолита, то есть хронологический отрезок в широких рамках 13 – 6 / 5 тыс. до н. э. с ядром в более узких рамках 10 – 7 тыс. до н. э. К нему и относятся сообщества круга Гёбекли Тепе¹, о которых в пору написания указанных исследований Б. Ф. Поршнева, в 1960-е – начале 1970-х гг., ничего не было известно.

Контр-контрсуггестия определяется им как совокупность приемов, которыми одна часть общества или один человек влияет на другую часть (другого человека) с целью принудить их к нужным действиям; к ним относятся «и физическое насилие, сбивающее эту психологическую броню, которой защищает себя индивид, и вера в земные и неземные авторитеты, и, с другой стороны, принуждение послушаться посредством неопровержимых фактов и логических доказательств. Собственно только последнее, т. е. убеждение, является единственным вполне неодолимым средством контр-контрсуггестии» (Поршнева 2007: 138). Таким образом, прежнее простое принуждение к действию (суггестия) должно было качественно измениться: оно пре-

вратилось в убеждение, в словесно-знаковую аргументацию: «[...] Тут при информации внушаются представления, а не действия; внушать же представления (образы, сведения, понятия о вещах), очевидно, требуется лишь тогда, когда прямое внушение действий наталкивается на противодействие и остается лишь обходной путь – добиваться, чтобы человек «сам», своим умом и своей волей пришел к желаемым действиям. Как уже было сказано, это называется убеждать. Убеждать – значит внушать не действия, а знания, из которых проистекут действия (поведение). Наконец, (*сюда входит – А. А.*) прибавление к убеждению «оценивающих знаний», т. е. похвал или порицаний чего-либо, как и знаков-формантов, подсказывающих и направляющих осуществление действия» (Поршневу 2007: 135). Как здесь же поясняет Б. Ф. Поршневу, описанный механизм контр-контрсуггестии в конечном счете складывается из информативного (речевого) и инфлюативного (непосредственно влияющего через знаки-форманты, порицания и похвалы) видов коммуникации (Поршневу 2007: 135 – 137). Внушение норм предсказуемого, управляемого поведения, знаний, информации при помощи слов и знаков характеризует психические технологии контр-контрсуггестии – в эпоху неолитизации потребность в них соответствовала не только достигнутому уровню сознания, но и типичной «атомарной» структуре общества, стратегии развития общества, постепенно входившего в эпоху тотального обучения, если таковым считать надвигающееся одомашнивание растений и животных. Таким образом, неолитизацию можно воспринимать как всеобщую подготовку общества к обучению в самом широком смысле слова («опережающее отражение действительности» (Маркарян 1981: 82)). Заслуга Б. Ф. Поршневу состоит в указании на нейрофизиологическую – неизбежную – основу этого процесса, созревшую к началу рассматриваемого периода.

Собственно говоря, мощный пафос возведения общественных зданий, настойчивое, на пределе человеческих возможностей, сознательное стремление через архитектуру и изображения донести некую информацию – то, что мы видим в Гёбекли, – это ведь и есть убеждение одних людей другими с помощью знаков и образов в специально построенном пространстве, то есть это **материализованная контр-контрсуггестия**. С другой стороны, по Б. Ф. Поршневу, население при контр-контрсуггестии пропускается через комплекс практик: обучение

в самом широком смысле (от мифов до конкретных хозяйственных навыков), допустимо применяемое для него насилие, применяемые для него же целенаправленные первосигнальные раздражения (поощрения, наказания), внушение веры в авторитеты. Но ровно эти же самые практики, систематизированные в определенную последовательность, составляют содержание обрядов инициации. Отсюда вывод: главная форма массовой реализации контр-контрсуггестии в период неолитизации, исходя из того, что нам известно, – **обряды инициации**. Так при транзите от верхнего палеолита к неолиту на первый план выдвигается инициация, поскольку именно тогда ее содержание и цели совпали с целями и содержанием контр-контрсуггестии и стали ее формой, видимым ее проявлением в социуме. Но почему не другие обряды, например, связанные с культом мертвых предков? При переходе к оседлости они справедливо должны рассматриваться как особенно востребованные, выражающие «вертикальную» привязку данной общины к территории, на которой она живет. Такова была интерпретация построек Гёбекли Тепе многолетним руководителем раскопок этого памятника Клаусом Шмидтом (Шмидт 2011: 125, 234). Во-первых, мы имеем дело не со свершившимся неолитом, а с неолитизацией, когда большая, вероятно, большая часть населения Ближнего Востока оставалась еще мобильной, и, во-вторых, в отличие от инициации культ предков не требовал «школы», куда регулярно собирались бы оторванные от своих персональных предков дети и юноши для приобщения к коллективному сознанию; в последнее в том числе входили и знания о родовых предках как важнейшая часть. Культ предков был лишь частью программы обучения в той «школе», важным звеном, но менее существенным с точки зрения задач всей цепочки социальной технологии идентификации – задач контр-контрсуггестии. Культу предков, строго говоря, и не нужны были инструменты убеждения, так как он содержал простую констатацию, которую следовало запомнить (были такие-то предки, они делали то-то и то-то), соответственно ему не нужны были и такие грандиозные трудоёмкие затраты для строительства площадок типа Гёбекли Тепе, предназначенных для воспитывающих представлений, преобразований, чудес, трансформации сознания, но в том числе и для образующих знаний о предках. Таким образом, содержание только одного культа предков нерелевантно для объяснения реалий

Гёбекли Тепе. Справедливости ради надо отметить, что уже в начале изучения Гёбекли инициация называлась в качестве предполагаемой функции, ради которой были выстроены сооружения особого назначения, высечены рельефы, круглые скульптуры, награвированы изображения (Perrot 2000: 20 – 21, 23; Bischoff 2002: 237 – 240, 245, 247 – 249, 269 – 270). Это был разумный, но интуитивный выбор из небольшого количества имеющихся вариантов. Теория контр-контрсуггестии Б. Ф. Поршнева дает ему должное социально-психологическое обоснование и, с точки зрения автора, делает инициацию единственной возможной здесь функцией.

Характеристики, даваемые Б. Ф. Поршневым разным аспектам конт-контрсуггестии (Поршнева 2010: 204 – 208), удивительным образом совмещаются с характеристиками приемов исполнения, функций, стилевых особенностей археологически обнаруженных в изучаемый период артефактов. В частности, им выделяются понятия репродуцирования (дублирования, повторения), шаблона, стиля. И на самом деле, в них схвачено то, что отсутствовало (или слабо развито) в «искусстве» верхнего палеолита, хотя контр-контрсуггестия, как уже отмечено, действовала и тогда, но действовала при этом в обществах с другим уровнем развития. «Женщина на короточках», разбираемая в настоящей работе (глава 1), это и есть репродуцируемый шаблон, какого нельзя было увидеть в реалистических жизнеподобных изображениях верхнего палеолита. Он воспроизводит психические техники настаивания, внушения, многократного повторения отдельно взятого раздела информации как приемов эффективного обучения. Эти шаблоны, трафареты, вырабатываемые в каждом изолированном сообществе, создают изначально локальные стили, которые затем «усредняются» при сравнении, взаимной адаптации. Шаблоны в изображениях 10 – 7 тыс. на Ближнем Востоке, с другой стороны, сигнализируют о сознательной выработке простых, экономных, легко усваиваемых и передаваемых форм. Также и инициация – приведение человека к системе необходимых поведенческих и мыслительных шаблонов. Но не только в инициации, но и в других обрядах, ритуалах, церемониях происходят качественные изменения: разработка процедур, правил, алгоритмов, формализация заучивания текстов (Поршнева 2010: 205), иными словами, происходит первичная кодификация, автоматизация и «ма-

шинизация» социально значимых сфер. Далее в качестве действенного средства контр-контрсуггестии Б. Ф. Поршнев упоминает совместный смех, пиры, алкогольное и наркотическое опьянение (Поршнев 2010: 206). А в последнее время раскопками на Гёбекли Тепе обнаружены каменные чаны емкостью до 160 л с осадком щавелевой кислоты, говорящим о происходившем в них некогда брожении пива; емкости аналогичных объемов раскопаны в Телль Абре 3 и Джерф эль-Ахмаре; осадок винной кислоты, намекающий на брожение дикого винограда, определен в двух каменных мисках из Кёртик Тепе (Dietrich et al. 2012: 687 – 688; Notroff et al. 2015: 46); неопровержимые доказательства совместных коллективных трапез найдены в Гёбекли Тепе, Халлан Чечи Тепеси и пр. пунктах (Dietrich et al. 2019: 26 – 28; Rosenberg et al. 1998: 28 – 30; Rosenberg and Redding 2002: 40, 43; глава 4, раздел «Этнология, социальная антропология»). Б. Ф. Поршнев также выделил колоссальную принуждающую – и убеждающую в этом смысле – силу письменных знаков, текстов древности, особенно высеченных в камне, из-за их односторонности, невозможности на них ответить, обязательности их принятия (Поршнев 2010: 208), но то же самое можно сказать о появившихся задолго до письменных изобразительных знаках эпохи неолитизации, не известных Б. Ф. Поршневу, как небольших, изолированных, так и развернутых в огромные программные тексты наподобие рельефов круглых сооружений слоя III Гёбекли – их запоминание, усвоение, вера в их содержание как в реальную историю были обязательными.

Наконец, Б. Ф. Поршнев сослался на два исследования, связанные с особенностями контр-контрсуггестивного убеждения детей. Первое (А. У. Хараш): эксперименты с замкнутыми группами детей, оторванных от своей среды, показали резкий рост «убеждаемости», критерием чего служит одновременное принятие детьми двух несовместимых друг с другом мыслей (Поршнев 2010: 206). Второе (Л. С. Выготский): эксперименты с группами детей разного возраста по онтогенезу мышления показали пять возрастных ступеней формирования понятий. «Предпонятия» появляются в школьном возрасте до 11 лет включительно (третья ступень); «житейские», «обыденные» понятия появляются в возрасте 12 – 14 лет (четвертая ступень); научные понятия появляются у юношей старше 14 лет (пятая ступень). На формирование понятий Б. Ф. Поршнев обращает внимание постольку, поскольку

их наличие является условием контр-контрсуггестивного убеждения, доказательства (Поршнева 2010: 211 – 212). В итоге мы получаем суммарный возраст от 7 до 17 лет, когда у детей и подростков имеется понятийная база в разной степени развития – это как раз предельный возрастной диапазон обряда инициации. Если перевести данные Л. С. Выготского в плоскость филогении, то, видимо, период неолитизации можно условно сопоставить с четвертой ступенью развития мышления, с подростками 12 – 14 лет. Таким образом, отмеченные психические и нейропсихические явления в одно и то же время характеризуют как контр-контрсуггестию, так и инициацию.

Позже Б. Ф. Поршнева, и уже имея подтверждающие археологические материалы, начали активно обсуждать изменение сознания человека в эппалеолите – неолите западные ученые. Основной причиной этого изменения, согласно доминирующему мнению, считается переход к оседлости, необходимость постоянно жить на одном месте рядом с большими группами людей, то есть кардинально поменявшиеся параметры социума. «Действительно важное изменение гораздо проще: оседлое поселение» (Dunbar 2013: 25). Это вызывает стрессы, отсутствовавшие прежде болезни, невротические реакции, переход к нормам альтруистического поведения, наконец, понимание обязательности перестройки сознания, в результате чего вырабатываются системы внешних по отношению к людям знаков, исполненных в твердых материалах, своего рода скрижалей, объединяющих общину и оправдывающих привязку людей друг к другу и к данному месту; дети с учетом пластичности их мозга и максимальной эмоциональной восприимчивости служат целевой группой этой новой социализации (Benz 2017: 138 – 139, 148). Наиболее цельно спектр подобных мнений был представлен в специальном выпуске журнала «Neo-Lithics» за 2013 г. (Watkins 2013; Benz and Bauer 2013 a, 2013 b; Dunbar 2013; Renfrew 2013; etc.). Интересно, что на этом фоне в качестве интерпретации изображений декорированных предметов, происходящих из пунктов расширенного Северного Леванта (примечание 1), вновь поднимается тема вероятных шаманских практик (Bohnet 2013; Benz and Bauer 2015). Однако определенной увязки этих шаманских практик именно с обрядом инициации не делается, он называется как один из возможных обрядов. Несмотря на то, что проблема изменения сознания в эппа-

леолите – неолите повернута здесь под другим углом зрения, выделена тема сложности адаптации людей друг к другу, несвободы друг от друга, психического дискомфорта, если мы посмотрим в корень вопроса, то найдем и здесь поршневскую контр-контрсуггестию, то есть такой особый тип межчеловеческой коммуникации, когда поднимается задача убеждения, «усреднения» людей, вынужденных постоянно жить совместно, людей, часть из которых перестала слепо подчиняться чужой воле в ходе предшествующего развития. Таким образом, и Б. Ф. Поршневу, и западные авторы солидарно констатировали главное – кардинальные изменения в сознании человека, произошедшие именно с началом неолитизации, а не в последующие эпохи неолита и первых цивилизаций.

Две «двери». Концепция изображения как двери и изложение основной гипотезы. Благодаря ключевой роли обряда инициации в обществах эпипалеолита – неолита формируется и ключевая роль тех визуальных знаков (= инноваций), которые сопровождали или обозначали обряд и которые следовало запомнить. Одним из них стала «дверь» в виде присевшей женщины с поднятыми / опущенными руками – «женщины на корточках». Обоснованию инициационного смысла этого знака будет посвящен дальнейший текст. На Ближнем Востоке оговоренного периода знак на основе именно женской формы впервые зафиксирован в Гёбекли Тепе – до и после этого он существовал также в животной, мужской или смешанной формах. На севере холма Гёбекли экспедиция К. Шмидта (Германия) раскопала прямоугольное сооружение 6,6 x 4,4 м, ориентированное точно по сторонам света и получившее название «Здание с львиными стелами» (в отчетах самого последнего времени оно обозначается также как здание 38 (Dietrich et al. 2019: 23)). Оно относится ко II, младшему, слою памятника, который в целом датируют EPPNB – MPPNB (Dietrich et al. 2013 a: 36), однако единственный полученный для него релевантный образец материала IGAS-2658 дал калиброванную радиоуглеродную дату в вероятностном промежутке 8241 – 7795 гг. до н. э. (Dietrich et al. 2013 a: 38; 39, fig. 2; 40, fig. 3), допускающем рубеж 9 – 8 тыс. до н. э. и фиксирующем верхнюю границу слоя II Гёбекли Тепе. У восточной и западной коротких торцевых стен сооружения стояли по паре монолитных каменных Т-образных столбов высотой ок. 1,5 м так, что их Т-образные

поверхности были параллельны друг другу в каждой паре. Восточная пара столбов – так называемые «львиные стелы» – была вмурована не в пол, а в специально устроенную скамью-платформу, на которую со стороны центра вела единственная ступень. На ступени лежала прямоугольная известняковая плита (максимальный размер ок. 40 см) с процарапанным на ней контурным изображением обнаженной женщины на корточках (максимальный размер ок. 30 см) со свисающими по сторонам головы короткими волосами или в маске змеи (Шмидт 2011: 232). Плита лежала не по центральной оси симметрии прохода между «львиными стелами», но с некоторым сдвигом к северной из них. Учитывая рельефное изображение прыгающего льва / леопарда (Шмидт 2011: 229) на каждой из обращенных друг к другу внутренних поверхностей восточных столбов, фиксируется трехчастная, разорванная в пространстве, геральдическая композиция, состоящая из женщины (горизонтальная плоскость) и фланкирующих ее двух кошачьих (вертикальные плоскости)². Западная пара таких же столбов оказалась без скамьи и изображений (Шмидт 2011: 222 – 234, рис. 99 – 105) (ил. 1).

К. Шмидт полагал, что плита с женщиной находилась в переотложенном состоянии, тем самым она не одновременна с постройкой и со столбами, дополнительным подтверждением чему служит, по его мнению, стилистическая разница в изображениях женщины и львов / леопардов (Шмидт 2011: 232). На этот счет, однако, можно выразить и другое мнение: если признать разновременность изображений женщины и львов / леопардов (доказательств чему нет), то данное обстоятельство только глубже укореняет сопряжение всех трех элементов композиции в сознании людей. Предположим, что «Здание с львиными стелами» построено действительно на рубеже 9 – 8 тыс. до н. э., а плита с женским изображением принесена и положена кем-то на ступеньку между столбами, то есть между львами / леопардами, еще позже, может быть, даже в 8 – 7 тыс. до н. э., когда холм Гёбекли был окончательно заброшен (Dietrich et al. 2013 a: 36). Это значит, что обряд и коррелирующий с обрядом текст мифа были совершенно внятным для посетителей: плита положена именно туда, где по смыслу обряда инициации она и должна была лежать – обряд и миф все еще были живы. Явная разница в манерах изображения объемных пружинистых силуэтов кошачьих и гротескно-карикатурного пустого контурного знака экстаичной жен-

щины говорит не только об их возможной одновременности, но и о специфике отношения к персонажам. Одни делаются в трудоемкой технике рельефа, другое – вырезается, почти процарапывается небрежным контуром. Сравним со скульптурной композицией столба 27 из сооружения С слоя III Гёбекли, предварительно датированного концом 10 тыс. до н. э. (датировка: Dietrich et al. 2013 a: 38; 39, fig. 2; 40, fig. 3): здесь рядом и одновременно даны рычащий полнотелый хищник (лев?) в технике горельефа и «лежащий» перед ним (под ним) кабан в технике очень низкого рельефа (Schmidt 2008: 30, fig. 4) (ил. 2), то есть практика манипулирования высотой изображенных персонажей выражала некое оценочное суждение. Кроме того они представлены во взаимно перпендикулярных плоскостях, как и рассматриваемые персонажи «Здания с львиными стелами». Опрокинутость бестелесного кабана метафорически подразумевает мертвое существо (как станет ясно дальше, мертвецом / полумертвецом должна была быть и «женщина на корточках»). Поэтому переотложенность плиты, если она имела место, не должна считаться решающим фактором, выводящим «женщину на корточках» из рассмотрения в единой композиции со львами / леопардами. Таким образом, можно заключить, что на востоке здания Т-образные столбы, львы / леопарды на столбах, приподнятая над уровнем пола скамья-платформа со ступенью, и женщина на ступени – один визуальный и смысловой текст. Предположим, что все его части одновременно, хотя это не имеет большого значения.

Содержанию данного текста, иконографии фигуры «женщины на корточках», реконструкции предполагаемой практики функционирования «Здания с львиными стелами» посвящена специальная статья (Азизян 2014), основные результаты которой придется кратко изложить, поскольку настоящая работа является ее продолжением. Искомая величина – «дама» из Гёбекли – описана как персонаж с характерным набором следующих признаков: худая; обнаженная; уродливая; с висящими по сторонам тощей шеи закруглениями-волосами или в изображенной таким способом маске змеи («змееголовая»); с висящими по сторонам тела грудями; с открытой напоказ вульвой и свисающими из нее «лентами»; присевшая на корточки, или танцующая, или летящая (линия земли отсутствует); с согнутыми в локтях руками – левая рука вверх, правая вниз (ил. 3). а) *Семантическое определение*. Ближай-

ший сопоставимый аналог – страшная худая старуха-мать с висящими грудями, открытым «срамом», живущая вместе с котом в доме на границе леса, умеющая летать. Это – досконально проанализированная В. Я. Проппом русская Баба-яга, за которой тянется шлейф из фольклорных и мифологических параллелей многих народов, – хорошо и давно изученный персонаж. По В. Я. Проппу, как известно, яга соответствует одновременно жрецу-шаману в обряде инициации юношей и предку-тотему по женской линии (Пропп 2002: 59, 85 – 88)³. (Здесь не место подробно комментировать особенности данных выводов В. Я. Проппа – это будет сделано позже, в разделе «Этнология, социальная антропология» главы 4. Для целей анализа знака «женщины на корточках» используется вышеприведенная формулировка первой функции, однако все же следует процитировать пропповскую формулировку, имеющую нюанс: «Из всего изложенного видно, что яга сближается нами с лицом или маской, производящей обряд посвящения» (Пропп 2002: 85)). б) *Иконографическое определение*. Поиски визуализации словесно описанного образа Бабы-яги ретроспективным методом привели к выделению трех блоков персонажей: Шила-на-гиг (существуют десятки примеров, среди них в статье анализируются Шилы из Фиддингтона (Англия), Фетарда (Ирландия) и Пьяченцы (Италия), все – средние века)⁴; Медуза Горгона (анализируются этрусская Горгона со львами (Перуджа, Италия) и греческая Горгона с леопардами / львами (Керкира, Греция), обе – 6 в. до н. э.); ново-хеттские «демоны» со львами или быками (пример: птицеголовый «демон» со львами на пьедестале статуи бога-громовника из Каркемышша (Турция, 9 в. до н. э.). Этот ряд замыкает на максимальной хронологической глубине собственно «дама» со львами / леопардами из Гёбекли. Самые удаленные точки этой последовательности отделяют более девяти тысяч лет и четырех тысяч километров и именно они дали предельное сходство: ср. Шилу-на-гиг из Килтинэнской церкви Фетарда, Ирландия, и «даму» из «Здания с львиными стелами» Гёбекли Тепе.

в) *Синтез и выводы*. (в1) Как и Баба-яга у В. Я. Проппа, вышеперечисленные персонажи восходят к жрецу-шаману обряда инициации и животному предку-тотему. (в2) Корректность такого переноса подтверждается расположением перечисленных памятников. Например, наподобие лесной избы у В. Я. Проппа, все наши «дамы» и «демо-

ны» привязаны к пограничным поверхностям. Шилы помещались на наружных стенах крепостей, церквей и прочих элементах наружного периметра архитектуры, преимущественно над входами. Горгоны – на фронтонах храмов, над входами, на антефиксах кровель; в случае с этрусской Горгоной она привязана к передней границе колесницы – транспорта на войну и с войны, на смерть и на жизнь. Сиро-хеттская группа из Каркемыша стояла у Царских ворот города. «Дама» из Гюбекли лежала между столбов ворот, на границе скамьи-платформы и центрального пространства сооружения. Все эти обстоятельства обосновывают вывод о том, что рассматриваемые персонажи контролируют вход и выход, двери или ворота и, в конечном счете, как это и постулируется В. Я. Проппом, в древнейшей точке – границу жизни и смерти. (в3) Кроме того, что они располагаются на границе, они еще и своей позой «на корточках», с расставленными ногами, открытой вульвой или вульвой со свисающими «лентами» изображают вход, выход, ворота, дверь, то есть символически дублируют реальные архитектурные ворота. (в4) Все характерные животные Бабы-яги и ее «коллег» фигурируют в нашем ряду памятников: львы / леопарды – кошачьи, хищные птицы, змеи. (Если же мы примем, что круглые сооружения древнейшего слоя III Гёбекли Тепе с аналогичной парой Т-образных столбов в центре также образовывали ворота для инициации, то диапазон присутствующих животных резко вырастет: кроме названных здесь на столбах в слое III многочисленны кабаны, лисы, водоплавающие птицы разных видов (утки / гуси, журавли / цапли / лебеди – иначе говоря, известные по волшебным сказкам «гуси-лебеди») и некоторые другие). (в5) Предложена нижеследующая реконструкция обряда инициации или какого-то его фрагмента в «Здании с львиными стенами». Юноша (или группа) шел или проводился жрецом от центра сооружения, например, сквозь западные ворота, что обозначало проглатывание тотемом, временную смерть. Далее он последовательно двигался вдоль внутреннего полупериметра сооружения, например, вдоль западной, северной и восточной или вдоль западной, южной и восточной стен, к восточным, «львиным», воротам, затем выходил сквозь них (выплывание тотемом, новое рождение). Остается неясным направление движения – по или против часовой стрелки. Церемония могла протекать и в обратном порядке: вход происходил бы через восточные ворота,

а далее по тем же маршрутам неофит шёл на выход через западные ворота⁵. Следует ожидать, что скамья-платформа как-то участвовала в действии. Над юношей там могли производить болезненные операции, свойственные обряду (обрезание? удаление пальца?), не исключено, что он должен был наступить ногами на плиту с «женщиной на корточках» или как-то прикоснуться к ней, то есть еще и символически войти или выйти из изображения. (Размер изображенной женщины – ок. 30 см – должен был быть достаточным для любой ступни или руки)⁶. *Итог*: описанное изображение являлось одним из знаков обряда инициации и функционировало в качестве символической двери или ворот, дублируя реальные ворота (два столба), стоявшие рядом. Пройдя сквозь них, человек ритуально перерождался или умирал. **Изображение = «дверь».**

Вторая «дверь» получила известность благодаря исследованиям египтологов. О. Д. Берлев первым сумел понять, что слово «дверь» на иероглифической надписи Jzr·tj / ꜥnm·tj из гробницы Jzr·tj в Саккаре (Старое царство) означает «изображение»; «выходить из двери» значит «выходить из изображения» (Берлев 1978: 24 – 25). Эта идея развита в работах А. О. Большакова о Двойнике человека Ка в Древнем Египте (Большаков 1987; Большаков 1997; Большаков 2001), на которые я полностью опираюсь в дальнейшем тексте. В погребениях Старого царства (3 тыс. до н. э.) окончательно сформировалась концепция Двойника человека Ка, необходимой частью которой, по мнению А. О. Большакова, служило **представление о наличии функции двери у изображения** (Большаков 2001: 46 – 55). Круглые скульптуры, рельефы, живописные изображения хозяина гробницы работали в качестве многочисленных умозрительных дверей. Они «открывались» только в присутствии смотрящего, взгляд которого, останавливаясь на том или ином изображении, «оживлял» в памяти образ изображенного, вызывая тем самым его «выход» из соответствующих контуров или объемов. Вышедшее было Двойником, Ка, существовавшим если и не вечно, то до тех пор, пока оставалось в сохранности его изображение. Тем самым устанавливалась неразрывная связь Ка и изображения – то, что А. О. Большаков называет «изобразительным Ка» (Большаков 2001: 248) – и решалась проблема преодоления смерти: хозяин гроб-

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Изложение гипотезы	9
Глава 1. Прототипы и аналоги «женщины на корточках».	
Плоские и рельефные изображения	33
Северный Левант, Анатолия	33
Южный Левант	62
Северная Африка	68
Глава 2. Изображения животных, держащих голову человека, из Юго-Восточной Анатолии и соколиные статуи фараонов Древнего Египта. Круглые изображения	93
Невали-Чори	93
Гёбекли Тепе	96
Глава 3. Предполагаемая эволюция инициационных изображений в Сахаре и Древнем Египте	105
Глава 4. Гипотеза в междисциплинарном контексте	115
Заключение	211
Примечания	224
Библиографический список	253
Подписи к картам и иллюстрациям	311
Summary	323